

A man with dark hair, seen from behind, is sitting on a ledge. He is wearing a dark blue t-shirt and blue jeans. He is looking out over a city with many buildings and trees. The sky is a pale, hazy blue. The overall mood is contemplative and serene.

Наталья Ильина

ПОКА ДЫШУ

Наталья Ильина

Пока дышу. Dum spiro spero

«Издательские решения»

Ильина Н.

Пока дышу. Dum spiro spero / Н. Ильина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961998-3

Семнадцатилетний Трой хорошо устроился в мире, который катастрофически и навсегда изменился восемь лет назад. Так он считал, пока в город не пришли чужаки и не вынудили его бежать. Иногда жизнь обретает смысл именно тогда, когда подходит срок умирать...

ISBN 978-5-44-961998-3

© Ильина Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Трой	8
Натали	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пока дышу Dum spiro spero

Наталья Ильина

© Наталья Ильина, 2019

ISBN 978-5-4496-1998-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Мне с большим трудом удалось пробиться в приёмное отделение. Посмотрите, сколько здесь народа! Осторожнее, пожалуйста! Что вы делаете? – высокий растрёпанный брюнет с микрофоном старается увернуться от дородной женщины в коричневой вязаной кофте. Её лицо перекошено ужасом и гневом, она невнятно бормочет и пытается вырвать микрофон из его рук.

Окружённые толпой, двое мужчин в униформе медицинских работников прижаты к регистрационной стойке. Крики: «Вот! Вот пусть они ему скажут! Пусть все знают». Человека с микрофоном выталкивают вперёд.

– Скажите, есть какие-нибудь догадки по поводу болезни? Что это? Какие-то лекарства? Рекомендации? – наседает он на врачей.

Один из медиков, бледный, на лбу – испарина, взгляд растерянный, пытается оттолкнуть человека с микрофоном:

– Вы мешаете работать. Сами видите, что происходит, дайте пройти! Там больные люди! Человек с микрофоном не унимается, под ропот и выкрики толпы продолжает спрашивать:

– Что это? Эпидемия? Почему вы не дадите рекомендаций населению? Что вы скрываете? Громкие крики за спинами толпы перекрывают несмолкающий вой сирен с улицы.

Смена кадра. Подъездная дорога к больнице забита машинами скорой помощи. Ревут сирены. Камера выхватывает из вереницы людей лицо пожилого мужчины – оно покрыто крупными каплями пота, глаза слезятся. Он тяжело, со свистом втягивает воздух, оседает на асфальт возле ограды и замирает, привалившись к ней спиной. Камера дёргается, за кадром голос: «Надеюсь, он жив? О Боже!»

Смена кадра. Человек с микрофоном на фоне машины скорой помощи.

– Вы всё видите сами. Правительство молчит, медики не отвечают на вопросы, а испуганные люди продолжают атаковать медицинские учреждения по всей стране. С вами был Джереми Кроун, Си-эн-эн, из Пресвитерианского госпиталя Нью-Йорка.

...как сообщают все ведущие информационные каналы мира. Проявления болезни носят неодинаковый характер, но распространяются повсеместно и не затрагивают детей, не достигших семнадцати-восемнадцати лет. Стремительное развитие онкологических или сердечно-сосудистых поражений организма не поддаётся стандартным методам излечения и приводит к летальному исходу на третьи-четвёртые сутки после возникновения. Медики и учёные всего мира пока не могут дать определённый ответ...

...катастрофически. Не покидайте своих жилищ без крайней необходимости. Будьте особенно осторожны при управлении транспортными средствами...

...нарушено железнодорожное и воздушное сообщение. Страны Евросоюза пытаются противостоять... Введено военное положение...

...отмечаются случаи массового дезертирства из воинских частей. Паника в аэропорту Хитроу привела к многочисленным жертвам...

...мы работаем в тесном сотрудничестве с ведущими лабораториями, с ВОЗ, с военными. Эпидемиологи, вирусологи, генетики – все крупнейшие учёные заняты поиском причин «син-

дрома Гоширу», по имени Леонарда Гоширу, первого врача, забившего тревогу, покойного, к сожалению. На сегодняшний день никто не может дать определённый прогноз...

...Количество техногенных катастроф растёт по всему миру, Совет безопасности ООН призывает правительства всех стран приостановить работу опасных производств до дальнейшего прояснения ситуации с массовыми случаями внезапных смертей.

...Четырнадцатая авиакатастрофа за текущие сутки привела к многочисленным жертвам в пригороде Парижа...

...через несколько минут президент Соединённых Штатов Америки выступит с обращением к нации...

...Дорогие россияне...

...Премьер-министр Великобритании выступила с обращением к подданным Её Величества...

...Радиостанция «Апокалипсис сегодня» приветствует вас, мертвецы! Вы думаете, что ещё живы? Ошибаетесь (смех, переходящий в булькающий кашель и хрипы).

...это стрим—канал Лейси, из Лос-Анджелеса. Кто-нибудь меня слышит? Кто-нибудь? Я здесь одна, мне страшно! Помогите!

Трой

Мы встречаем свою судьбу на пути, который выбираем, чтобы уйти от неё.

Жан Лафонтен

– Не входи! – ревёт из-за двери родительской спальни отец, когда мама впервые за несколько часов перестает кричать. Но сначала звучит выстрел, и Трой вскрикивает тоненько, по-птичьи: «Мам?». А потом уже отцовский яростный рык приговора девятилетнего мальчика к полу намертво. Он только вздрагивает, дёргается на звук второго выстрела и долго сидит так – прижимаясь спиной к простенку в узком коридоре второго этажа, подтянув колени к подбородку и вцепившись зубами в рукав клетчатой рубашки. Оливкового цвета стена напротив украшена фотографиями в белых рамках: мама с папой смеются, пытаясь удержать в руках огромную рыбку; папа и Трой на скамейке в парке – ноги одинаково скрещены, даже прищур одинаковый; Трой с рюкзаком в первый школьный день, в глазах – страх и неуверенность...

Тело застыло, слабенькие мышцы сведены каменной судорогой такого всеобъемлющего ужаса, что через какое-то время в глазах чернеет, словно он внезапно ослеп. Как будто обрушившийся с этими выстрелами мир похоронил Троя под лавиной обломков. Не оставил ни света. Ни воздуха. Ничего.

«Помогите!» – замирает в горле сухим хрипом. Ни к кому не обращённое, безнадежное. Кто и кому должен помочь?

...Он бежит бездумно, шаркаясь от редких прохожих с серыми от боли лицами, покачивающихся и стонущих, захлёбывается слезами и страхом, от которого перехватывает дыхание. Отцовский пистолет больно колотит по бедру, утонул в глубоком кармане куртки, купленной мамой «на вырост». Какой-то другой, отчаянно смелый мальчик вошёл в родительскую спальню, вынул оружие из прохладных неживых пальцев отца, натянул цветастое покрывало поверх неподвижных тел и заляпанных кровью подушек до самого изголовья, стараясь не смотреть папе и маме в лицо. Задёрнул шторы и вышел из дома, плотно закрыв за собой дверь. Это никак не мог быть он, Трой. Размазывая по лицу слёзы и сопли, мальчик замирает и беспомощно оглядывается.

У перекрёстка Пятнадцатой Ист и Пёрл-стрит, по которой его возят в школу, на ступенях Баптистской церкви лежит женщина. Рядом неподвижно сидит, свесив с колен руки и низко опустив голову, один из служителей, весь в чёрном. Трой опрометью кидается к нему. Он просто не знает, что ещё делать.

– Сэр? – голос срывается, получается жалко и неуверенно.

Мутные, невидящие глаза на покрытом фиолетовыми пятнами лице служителя смотрят в никуда. Трой видит это, когда трогает его за плечо. Человек просто падает, заваливается набок, мёртво глядя прямо перед собой. И тогда мальчик наконец кричит, выталкивая из груди болезненный ком. Смирившись с тем, что происходящее – самая что ни на есть реальная реальность. Что все ужасные новости, которые выдавал последние дни не выключавшийся в гостиной телевизор – не телестановка или очередной

сериал, а что-то ужасное, просочившееся с экрана в дом, заставившее маму закрыться в спальне, сгибавшее пополам отца, когда он в последний раз спускался за водой. Заставившее его родителей забыть о том, что у них есть сын... И за своим криком он внезапно слышит другие – близкие и далёкие, надрывные вопли чудовищной боли и жалобный плач отчаяния. Он зажимает уши руками, собственный крик превращается в сдавленный писк и затихает. Трой пятится прочь от нагретых солнцем ступеней, от безразличных мертвецов и упирается спиной в невысокую ограду палисадника. Жёсткий тычок итакетины между лопаток приводит его в чувство. Предметы вдруг обретают резкость, тени – глубину. Жуткие звуки отступают, сливаясь в неясный фон, в котором лишь изредка всплывает что-то особенно громкое, какие-то отдельные вскрики, далёкий грохот. Трой судорожно вдыхает через рот и делает несколько неуверенных шагов в сторону своей школы. Туда, где он надеется увидеть хоть одно знакомое лицо взрослого, который непременно ему поможет. Он всё ещё не верит, что эта жизнь кончилась, начинается совершенно другая.

Каждый раз, когда ему приходилось оказываться поблизости от квартала, в котором когда-то жил, Трой вспоминал именно этот день. Вспоминал отстранённо, словно переживания, навсегда отпечатавшиеся в памяти, принадлежали вовсе не ему. Однако вернуться в свой дом он так никогда и не решился. Скорее всего то, что осталось от родителей, так и лежало в спальне второго этажа, заботливо укрытое покрывалом.

Он перегнулся через край разошедшейся оконной рамы и плюнул вниз, на замусоренные плиты пустой площади перед городской ратушей. Стёкла в узком окне на самом верху башни отсутствовали, под ладонью шуршали облезающие чешуйки старой краски. Здесь, в центре города, было очень тихо. Солнце заботливо вылизывало крыши уцелевших зданий, красно-коричневыми островками выпирающих из моря разросшихся вязов. За мутными стёклами уцелевших витрин прятались тени. Несколько машин вросли в асфальт дисками спущенных колёс на стоянке перед давно разграбленным супермаркетом. Зияло пустыми глазницами окон и закопчёнными стенами выгоревшее здание управления шерифа. Чаша сухого фонтана в центре площади, заполненная прошлогодней прелой листвой, выглядела как мишень с круглой шапочкой разбрызгивателя в «десятке». И всё это укутывала вязкая тишина запустения.

Трой задержал дыхание, но сколько бы он ни прислушивался, не смог различить ни единого постороннего звука. Центр города был совершенно мёртв. «Они думали, что правят миром. Они играли в свои взрослые игры. Они боялись потепления, похолодания и ядерной войны. Но всё закончилось гораздо быстрее. И страшнее. Их просто не стало. Потом не стало и многих из нас. А скоро вообще никого не останется...» – почти без горечи мысленно констатировал он, прикинув, хватит ли времени, чтобы пройти длинным путём до наступления темноты. За спиной послышался шорох и быстрое тупое постукивание. Трой обернулся. Бади яростно чесался, барабанил задней лапой по деревянному полу. В полосе солнечного света искрились пылинки, потревоженные вознёй старого пса. Бросив последний взгляд на площадь, Трой направился к лестнице. Лохматый лобастый чёрно-бело-коричневый пёс поднялся и потрусил позади. Над городом висел изнурительно жаркий июньский день седьмого лета после катастрофы.

Патрулировать заброшенные районы в компании с Бади было одним из любимых занятий. Пусть им давно не попадался ни один забредший в город чужак, готовый покуситься на тающие резервы его последних обитателей – Трою нравилась настороженная тишина пыльных улиц; прячущиеся за переплётами пустых рам тени; холодок, пробегающий по спине всякий раз, когда старый пёс вдруг настораживался, замирая с вытянутым параллельно земле хвостом. Всё это позволяло поддерживать себя в форме, не слишком расслабляясь, как это делали

другие. Привычка не доверять никому и ничему, полагаясь лишь на собственные силы да верность собаки, много раз спасала ему жизнь, и Трой предпочитал игнорировать обманчивое спокойствие последнего года. Да, их оставалось всё меньше – старшие продолжали умирать, едва достигнув восемнадцати, а девчонки беременели редко и всё заканчивалось выкидышами или того хуже. Так что все они, оставшиеся, были обречены, но это вовсе не значило, что стоило умирать раньше времени из-за собственной неосмотрительности.

Трой свернул в переулок, обходя стороной огромное пепелище – целый район аккуратных коттеджей и медицинский колледж выгорели дотла. Казалось, в воздухе до сих пор ощущается запах гари. Рухнувший туда громадный пассажирский самолёт сработал, словно искра в стоге сена. Устоявшие в пламени стены таращились пустыми глазницами окон на спёкшийся в корку асфальт. Там царила тишина, даже птицы не осмеливались нарушить мрачную, выплавленную в огне обстановку этого страшного места. Трою казалось, что если ад существует, то выглядит он примерно так – лишённый жизни, оплавленный, залитый могильной тишиной. Улица за улицей пустых, разорённых домов, брошенных машин, заросших скверов. Никаких следов присутствия человека. Бади держался рядом, готовый предупредить об опасности раньше, чем Трой мог бы её обнаружить, но ничего не происходило. И всё же он смог расслабиться только тогда, когда за деревьями блеснула река. Все, кто остался в живых из пары тысяч детей и подростков, оказавшихся в городе во время Последних дней, давно перебрались жить поближе к воде.

– Отрезал бы ты уже свои космы! – брезгливо поморщившись, буркнул Трой, с неприязнью покосившись на Коротышку Ленни.

Тот надвинул на нос козырёк засаленной бейсболки, чтобы низкое солнце не било в глаза, и водрузил на торпеду худые ноги в коричневатых от грязи джинсах и истрёпанных, заношенных до дыр кедах. Какие у парня были проблемы с мытьём, Трой не знал, но от него вечно несло потом, а слипшиеся от грязи волосы, отросшие до самых плеч, воняли кислятиной.

– Попроси Руди, он стрижёт совсем неплохо, – словно в подтверждение, Трой провёл ладонью по короткому светлому ёршику на затылке.

– Да иди ты! Ни за что! – фыркнул Ленни, тряхнув неопрятной гривой спутанных кудряшек, отчего кислый запах только усилился. – Его машинка здорово смахивает на ту, которой мой дед стриг овец. Лихо он ей орудовал, не признавал электрических. Овцы, правда, не жаловались.

Парень растянул полные губы в ухмылке, а Трой отодвинулся подальше, к окну, обречённо вздохнув. Единственное, что оставалось чистым у этого безалаберного неряшливого паренька – глаза. Ярко-голубые, с простодушной ясностью невинного ребёнка, на самом деле они маскировали его невероятную наглость и полное отсутствие каких-либо принципов. Попасть на дежурство вместе с Ленни было для Троя сущим наказанием.

Кабина старого грузовика, который перегораживал улицу в самом узком месте, раскалилась за день. Вонь, идущая от напарника, смешивалась с запахом нагретого железа и пыли, а снаружи не было ни ветринки. Деревья в конце улицы замерли неподвижными бесформенными теньями, ни один лист не шевелился. Ущелье Саммит-стрит плавилось в мареве накопленного жара, а стены трёхэтажных зданий и растрескавшийся асфальт щедро возвращали его обратно, лишая наступающий вечер долгожданной прохлады. Дежурство предстояло не из весёлых. Этот пост был одним из самых старых и находился довольно далеко от небольшого района между Ривер-Сайд и рекой, где они теперь жили, но именно отсюда вела дорога к обломкам моста и Миссури. Именно здесь было «бутылочное горло» района, облюбованного оставшимися в городе.

Трой отхлебнул воды из пузатой фляги и положил свой вальтер на вытертое и иссохшееся сиденье, чтобы был под рукой. Проржавевшая местами решётка, заменяющая в кабине ветровое стекло, расчертила пыльное торпедо квадратиками нечётких теней. Он знал, что ночные дежурства давно превратились в условность, но осторожность всегда брала верх над разумом – вытянуть ноги и засопеть в спокойном сне, как это сделал Ленни, он не мог. В голову лезли дурацкие мысли, под передним колесом возился и вздыхал Бади.

Сумерки быстро сменились темнотой, и Трой выбрался из кабины, чтобы запалить огонь в двух железных бочках, что стояли в пяти ярдах впереди грузовика по обе стороны дороги. Искры взметнулись в небо роем алых светлячков, пламя затрещало, пожирая промасленные чурбачки и обломки старой мебели. Пятно тёплого света разогнало мрак перед машиной, роняя отсветы на облезший никель решётки радиатора. «Голова» грузовика была вывернута в сторону далёкого парка, а облезлый металлический фургон ФедЭкс на заломленной сцепке почти упирался в противоположные стены домов. Пространство под колёсами было плотно забито разнообразным железным хламом. Миновать его можно было только пройдя насквозь через крохотную риэлторскую контору, задний двор и выйдя через сувенирную лавку под покосившейся вывеской, с другой стороны машины.

Перед тем как забраться в кабину, Трой нагнулся у спущенного колеса и запустил пальцы в мягкую шерсть пса, почти невидимого в темноте своего убежища. Это его и спасло. Пуля чиркнула по правой стороне головы, срывая кожу вместе с волосами, и вонзилась в резину. Эффект был такой, словно по голове со всего размаху двинули бейсбольной битой. Из глаз Троя посыпались искры, он крепко приложился о железную подножку кабины левым ухом – так мотнулась голова – и рухнул в пыль. Из последних сил, смаргивая огненные круги перед глазами, прошипел «замри!» собаке и провалился в черноту.

Сначала вернулись звуки. Хлюпающий – у самого лица, приглушённой стрельбы и громких криков – в отдалении. Следом – голову пронзила острая боль. По лицу елозило что-то влажное и тёплое. С трудом разлепив глаза, Трой попытался приподняться, отталкивая лохматую башку Бади, который тихонько взвизгнул и ещё настойчивей продолжил соваться ему в лицо. Голова кружилась. Застонать не дала подкатившая к горлу едкая горечь, Трой сцепил зубы и прислонился плечом к колесу, чтобы не упасть. «На нас напали... Снайпер стрелял, что ли? Бади не учуял...» Мысли, тягучие и неповоротливые, с трудом удерживаясь в гудящей голове. Настойчивое желание ощупать собственный череп останавливал липкий, противный страх наткнуться на мягкую упругость открытого мозга. Видел он, как без черепной коробки один паренёк бегал. Кругами и только направо. Недолго, правда... Бегать не хотелось. Не хотелось даже шевелиться, но и сидеть дольше было уже нельзя.

Вытерев руку о штанину, он осторожно дотронулся до головы, повыше уха. Рана имелась. Длинная горячая полоса, влажная от крови, пульсирующая болью. Шея, затылок и правая скула тоже были в липкой крови, которая местами начала подсыхать, стягиваясь коркой, но череп оказался цел!

– Надо выбираться, Бади, – прохрипел Трой. – Помощь нашим не помешает.

Кто бы ни прорвался в район, сейчас Трой оказался у него за спиной. Скорее всего, его приняли за мертвеца, а потому вряд ли ждали нападения. Заглянув в кабину, Трой поморщился – Ленни, похоже, даже не проснулся. Вот ему-то череп снесло, вместе с бейсболкой. Подробностей в темноте было не разглядеть, и слава богу! Неряха или нет, а Ленни был своим парнем, и выросли они вместе, хотя друзьями никогда не считались. Кто стал бы дружить с Коротышкой, которому лень было даже помыться? А у самого Троя друзей не водилось. Старый пёс да воронёный ствол пистолета, который так и остался, никем не замеченный, дожидаться хозяина на торпедо у самой решётки – вот и вся компания.

Огонь в бочках едва тлел и, пользуясь темнотой, в которой прекрасно ориентировался, Трой осторожно двинулся туда, где по-прежнему звучали выстрелы. Бади держался рядом, напряжённый и бесшумный. Трёхфутовый сгусток мрака, чуть более плотный, чем окружившая их чернота.

Решение оказалось неверным. На утопанном пятачке перед лодочной пристанью, обычно освещённом только садовыми фонариками на солнечных батареях, пылал внушительный кострище. По обе стороны от него жались друг к другу две жалкие кучки подростков. «Девочки – направо, мальчики – налево», – проскочило в раскалывающейся от боли голове. Кучка слева была подозрительно мала. Трой сумел разглядеть пару знакомых лиц, но никакого отношения к его команде защитников города они не имели. «Фуражиры», так называли их когда-то Стив, так называли и сейчас. Те, кто выращивал еду, запасался дровами, мастерил и ремонтировал снаряжение для Защитников и Охотников. Ну и для остальных, конечно. Девчонок было куда больше. Почти все, даже малявки, вроде ревущей во весь голос придурковатой Сю-Сю, которой едва стукнуло десять. Она прижималась лицом к сестре и блажила на весь район.

С чердака полуразрушенного давнишним пожаром дома, куда забраться без риска для жизни могли бы немногие, ему было всё отлично видно. И слышно – звук над водой разносится далеко.

– Заткни ей пасть! – прикрикнул долговязый чужак с автоматом, который небрежно свисал с его левого плеча.

«Левша», – машинально отметил Трой. Белки глаз угрожающе сверкали на чёрном лице незнакомца, кудрявая шевелюра напомнила беднягу Ленни.

Дора присела перед девчонкой, прижимая её к себе, и что-то зашептала, но та не унималась, вырываясь и крича всё громче. Трой пытался сосчитать противников, но визг Сю-Сю ввинчивался в мозг, мешая сосредоточиться. Восемь? Девять? Чужаки держали на прицеле всех оставшихся в живых обитателей провинциального городка в округе Клейн, Южная Дакота, затерянного среди бескрайних полей самого малонаселённого штата Америки.

Трой не верил своим глазам. Быть того не может! Наверняка кто-то прячется в городе, как и он сам. Сегодня утром их было двадцать девять человек, не считая Фуражиров и девчонок! Словно в ответ на его мысли, в освещённое огнём пространство ступил Новичок. Тот самый, что прибил к ним недели три назад и на деле, чёрт возьми, доказал, что он прекрасный Охотник! Так, во всяком случае, ему рассказали, сам Трой познакомиться с парнем поближе не успел, даже имени его не узнал, только прилипшее прозвище. Принятый в сообщество бродяга сразу же стал ошиваться вокруг Алонсо, видимо, целя в его личную охрану, а Трой, напротив, старался не попадаться тому на глаза лишний раз. В прошлом они не раз сцеплялись между собой, а Алонсо был злопамятен.

Новичок подошёл к Сю-Сю и грубо выдернул её из рук сестры, залепив крепкий подзатыльник. Девушка от толчка потеряла равновесие и шлёпнулась на пятую точку, а визг ошеломлённой Сю-Сю оборвался на самой высокой ноте, словно ей вставили в рот кляп. Чернокожий дылда ослабилась, сверкая зубами. Испуганные и подавленные пленники дружно отшатнулись. Даже Трою, который не находился в этот момент рядом, стало не по себе: красные отблески костра, отразившиеся в белках глаз и на зубах рослого чужака, придали ему почти дьявольский вид.

– Молодец, Грегори, – хлопнул он Новичка по плечу, – вы там закончили?

– Да. Сейчас остальные подтянутся. А Хорёк уже здесь?

Новичок и верзила явно увиделись не впервые. Пусть Троя и подстрелили, но сложить два и два он всё ещё мог. Вот почему их так легко сняли, вот почему сумели так быстро захватить город – три недели среди них жил чужой разведчик, чтоб его! Кулаки сжались сами собой.

Бади приподнялся и прижался к ноге, почувствовав состояние Троя. А он был зол! Да разве Стив, Громила Томас или Брэндон позволили бы такому случиться? Сколько атак, и каких, отразили Защитники в своё время! Но все эти парни были давно мертвы. Уплыли вниз по реке. Пошли на корм рыбам! Последний год заправлял в городе вспыльчивый как порох и ленивый Алонсо, не желающий никого слушать – вот и результат. Система, отлаженная временем, ещё держалась, но это была одна только видимость. Трой с горечью посмотрел на стоянку. Ему было жаль тех, кто испуганно жался друг к другу в круге пляшущего света, но помочь им он не мог.

Опустив руку на закрывок пса, он несильно надавил вниз. Бади послушно растянулся на полу. Спорить собака не умела, да и о чём тут было спорить? Эта жизнь закончилась, началась другая.

Однако действие у костра было в самом разгаре. Из темноты одна за другой выныривали фигуры вооружённых парней. Последней в круг света вошла совсем уж странная пара: высокий сутулый субъект с длинными обезьяньими руками и крупной головой и худенький парнишка лет пятнадцати на вид, беззаботно поигрывающий большим пистолетом. Сутулый нависал над ним, как гора, но пацанчик никакого внимания на сутулого не обращал. Трой заметил, как вдруг подтянулись, приосанились остальные захватчики. И только демонического вида длинноволосый чернокожий, напротив, как будто уменьшился в росте, отступая в тень, словно старался стать незаметным. Трой не спускал глаз с уродливого громилы, изо всех сил вглядываясь в его застывшее, как маска, лицо. Ничего хорошего от человека с такой физиономией ждать не приходилось. Но когда он жестом фокусника выхватил из-за спины складной стульчик и разложил его перед пацаном со здоровенным пистолетом, у Троя невольно приоткрылся рот. Мальчишка сел, оперев локти в колени, и лениво повёл головой, осматривая пленников.

– Меня называют Хорёк, – произнёс он негромко.

От напряжения голова Троя разболелась ещё сильнее, он старался не пропустить ни слова. Голос был хриловатым, низким, словно у парня болело горло, а может, так оно и было.

– Для вас, конечно, это неприменимо. Если захотите ко мне обратиться, лучше хорошенько подумайте – человек я занятой, а отнятое у меня время может стоить вам жизни. Можете называть меня «босс». Обязанности распределит Грегори, вы его знаете. Кто будет их исправно исполнять, у того не появится причин жаловаться на жизнь. Всё просто. Для начала я хочу, чтобы на рассвете здесь не осталось ни одного трупа. Ты, – повернул странный «босс» голову к чернокожему парню, почти растворившемуся в темноте, за спинами своих соплеменников, – проследи. И, девочки! Не расстраивайте сегодня моих ребят, они заслужили тёплый приём, верно?

В полной тишине, не дождавшись никакой реакции от перепуганных девчонок, подросток встал и сделал три шага вперёд. Стайка девушек колыхнулась. Передние немедленно захотели оказаться в задних рядах, но их не пустили. Что они видели перед собой, что заставило их отшатнуться, Трой не знал. На фоне костра ему был виден только тёмный силуэт тщедушного, в общем-то, человечка.

Громила шевельнулся, по-змеиному быстро приблизился к своему боссу и выхватил из группы первую попавшуюся девушку. Трой вздрогнул. Это была Кейт. Когда-то он переспал с ней раз или два. Глупенькая, но симпатичная и добрая. Казалось, что сутулившийся бандит бесцеремонно обнял, просто облапил девушку, не успевшую издать ни единого звука. В оглушительной тишине прозвучал негромкий хруст. Можно было подумать, что это стреляет в огне древесина, но Трой знал, что именно трещало в лапах громилы – тот просто сломал Кейти шею. Тело бесшумно опустилось к его ногам.

– Хорёк не повторяет дважды, – прогнусавил довольно громко верзила. – Вам задали вопрос, сучки, верно?

Нестройные, дрожащие «да», произнесённые задушенным полушёпотом, и потрясённые всхлипы тихо уплыли вниз по течению Миссури. Тот, кто назвал себя Хорьком, повернулся и направился прочь. Неторопливая походка сытого хищника резко контрастировала с угловатым телом подростка. Лица его Трой так и не разглядел.

Решать – уходить немедленно, пока все были ещё на стоянке возле костра, или остаться и героически подохнуть, защищая Фуражиров и девчонок, которые только сейчас напуганы, а завтра охотно прогнутся под нового хозяина, как молча прогибались и раньше – да взять причуды того же Алонсо – нужно было сейчас. Трой сцепил зубы так, что заломило за ушами. Только инстинкт самосохранения удержал его от того, чтобы со всей силы врезать кулаком в ободранную, лишённую отделки стену. Нет, ничем он им помочь не мог, а что было хуже – не хотел. И признаться себе в этом оказалось неожиданно горько. Он опустил взгляд на пистолет, зажатый в подрагивающей руке.

Где тот мальчишка, который наставил этот самый ствол в лицо Стиву? Стиву, которого боялись. Которому подчинялись беспрекословно. Тот девятилетний мальчик был полон решимости постоять за себя, а что может он, теперешний Трой? Но ведь тогда и сейчас он просто пытался выжить. Как и все эти семь лет. Всю свою чёртову жизнь! Конечно, постоять за кого-либо из товарищей по отряду Защитников – не вопрос. Да только их, судя по всему, больше не осталось. Умиравший город, в котором он прожил всю свою жизнь, погиб окончательно.

Трой засунул вальтер за пояс и кинул последний взгляд на площадку у костра. Там хозяйски расхаживали чужаки, отдавая распоряжения горстке подавленных пленников. Никаких иллюзий по поводу того, как будут обстоять дела под управлением такого стервятника, как маленький Хорёк, у Троя не было. Налётчики не могли не знать, что с припасами в городке всё обстоит не так уж хорошо, но, видимо, места, из которых их принесла сюда нелёгкая, вовсе опустели. Стараясь не думать, какая судьба ожидает оставшихся, когда шайка окончательно разорит город, Трой осторожно спустился с чердака, молча принял на себя нешуточный вес Бади, привыкшего к подобным упражнениям, и бесшумно выскользнул в заросший дворик позади развалин. Ни темнота, ни присутствие захватчиков не мешали ему уже через час смывать кровь в густых зарослях одичавшего парка, разросшегося до самой реки, на другом краю города.

Предмесья, когда-то аккуратные, выгорели практически дотла. Одичавшая зелень мило-сердно скрывала пустые глазницы окон тех немногих домов, что устояли в огне. Полуразрушенные стены сиротливо обступали чёрные могилы провалившихся крыш. Асфальт растрескался и вздулся кочками, а местами просто исчез, словно его и не было никогда. Из трещин пёрла трава и мелкие кусты. Трой спотыкался впотьмах, в голове колыхался студень тупой боли.

Похоже, что природа была на его стороне. Рассвет не спешил, небо заволокло тучами, и первые крупные капли забарабанили по листьям над головой. Они всё ещё двигались вдоль реки, петляя между деревьями – две серых тени в серой предрассветной мгле. Город остался за спиной, и с каждым шагом что-то в груди Троя разжималось, отступало, словно он не бросил место, где родился и прожил всю сознательную жизнь, а вырвался из капкана. Пускай для этого и пришлось отгрызть часть собственной души.

Бади оглянулся и нервно зевнул.

– Всё в порядке, дружище, – пробормотал Трой, не слишком веря в собственные слова. Не поверил ему и пёс. Крутанулся вокруг и лизнул опущенную руку.

Лямки старого брезентового рюкзака врезались в плечи, капюшон касался раны, и его пришлось снять. Бинтовать голову Трой не захотел, чтобы рана скорее подсохла, только

обработал, и теперь пожалел об этом. Дождь усилился, и вода потекла за шиворот куртки. Удивительно, но она оказалась ему впору! Неужели теперь он догнал в росте отца? Трой поёжился, вспомнив, откуда взялась отцовская куртка.

...Горячо пульсирующая боль, злость и досадное, сверлящее чувство вины за то, в чём никакой вины не было, почти физически тормозили Троя. Кроме всего прочего, боль мешала думать связно. Уже оказавшись в центре города, погруженном в безмолвие и мрак, он всё ещё не имел чёткого плана, что делать дальше. Знал только, что с пустыми руками и в одной футболке далеко уйти не получится. И только когда ноги сами понесли в узкий простенок между двумя трёхэтажными домами на Пятнадцатой Вест по короткой дороге до места, которого он избегал все эти годы, которое было совсем рядом все эти годы, Трой сообразил, где находится.

Стёкла были целы, тускло отсвечивая, когда луна показывалась в разрывах облаков. Цела и дверь. Проржавевшая, оплетённая вьюном калитка жалобно скрипнула. Плитки садовой дорожки перекошились, и Трой запнулся в темноте у самого входа. Дверь оказалась заперта. Он не помнил, чтобы запирали её, когда уходил. Он плохо помнил тот момент. Ему было девять, и ему очень повезло, что он встретил Стива, пытаясь убежать от окружающего кошмара. Так он думал довольно долго.

Трой двинулся в обход. Присел перед узким подвальным окном. От нажатия оно скрипнуло рамой и неожиданно свалилось внутрь, в темноту, сорвавшись со ржавых петель.

Свечам время никак не повредило. Отец хранил их на полке у верстака. Трепетный огонёк выхватил из темноты знакомую до мелочей обстановку подвала, тени протянулись по лагам над головой. Из разбитого окна тянуло прохладой. Над верстаком, покрытым толстым слоем пыли, висели инструменты. В металлическом ящике под лестницей хранились оба отцовских ружья и коробки с патронами для них и вальтера, того самого, который был сейчас засунут за ремень промокших в реке джинсов.

В отличие от подвала, наверху воздух был застоялый, спёртый. И царил оглушительная тишина. Трой пробрался в кухню, почти не касаясь стен. Каким-то чудом тело помнило дом едва ли не лучше, чем голова. Мама хранила лекарства в верхнем ящичке высокой кухонной тумбы. Он выдернул его целиком. В носу засвербело от поднятой пыли. В аптечке нашёлся бинт, бутылочка со спиртом, стерильные салфетки в нетронутой упаковке. Он разодрал одну из них и прижал салфетку к ране. В нос ударил острый лекарственный запах. Память выхватила растворившийся во времени осенний день.

...Он стоит у этого самого стола, на серые плитки пола капает кровь из раны на месте снесённой об асфальт кожи на локте. Собирается в каплю и падает вниз. Мама суетится у выдвинутого ящика, пытаясь отыскать что-то в его недрах, тёплая полоска солнечного луча пересекает кухню наискосок. Крупные красные кляксы плюхаются прямо в эту полоску на полу, и он специально немного отводит согнутую руку, чтобы капли не попадали одна на другую...

В ванной он смог наконец рассмотреть рану, предварительно поелозив пересохшим и пахнущим застарелой пылью полотенцем по грязному зеркалу над раковиной. Полудюймовой ширины лоскут кожи был срезан чуть выше уха. Кровавая полоска начиналась почти у затылка и заканчивалась ближе к виску. Смерть просвистела так близко, что Трой невольно поёжился. Из-за мутного стекла на него уставился скуластый, коротко стриженный парень с серыми глазами, лихорадочно поблёскивающими в оранжевом полумраке, который не способен было разогнать пламя единственной свечи. Там же в ванной он и переоделся, сменив мокрые, заляпанные кровью вещи на отцовские, найденные в гардеробе. Всё время, пока находился в доме, Трой мысленно возвращался к плотно закрытой двери в родительскую спальню,

но духа, чтобы зайти туда, не хватило. Зачем? Дом был цел. Теперь он точно знал, что они там. Лежат в кровати так, как он оставил их, уходя – накрытые цветастым покрывалом.

Набив найденный в подвале рюкзак всем, что могло понадобиться в дороге, он прихватил с крючка над верстаком в подвале старую отцовскую куртку и вышел в темноту – луна совсем пропала, звёзд не было видно. Мокрый собачий нос ткнулся в протянутую руку и пропал, только зашуршала где-то впереди высокая трава. «А ведь Бади жил когда-то совсем рядом, – подумал Трой, шагнув следом. – Может ли собака помнить?»

Дальше трёх миль от города Трой никогда не уходил, незачем было. Он ведь не Охотник, его место было в городе. Нудный дождь прекратился ближе к полудню. Трой двигался на запад вдоль реки, петляя в густых зарослях, поднимая скрывавшийся под листьями гнус, скользя на выступающих корневищах и мокрой траве. Бади пыхтел рядом, временами отряхиваясь и окатывая промокшего насквозь хозяина очередной порцией воды. Никакой конечной цели Трой себе не поставил. Было бы неплохо отыскать общину, подобную той, в которой он жил до сих пор, но чем дальше они уходили от города, тем призрачнее становилась надежда: под огромным куполом неба раскинулся незнакомый, живущий своей жизнью, негостеприимный мир без людей.

Когда-то, ещё до того, как Последние дни перевернули всю его жизнь, Трой мечтал о горах. Он видел себя знаменитым на весь мир альпинистом, покорившим все восьмимысячники. Немного странная мечта для мальчишки, живущего на бескрайних Великих Равнинах, но отец относился к его увлечению очень серьёзно, помогал найти нужные книги и фильмы, дважды возил в Су-Фоллс на скалодром, невзирая на протесты мамы, и обещал свозить к отрогам Скалистых гор, которые находились далеко – на северо-западе штата.

– А что? – негромко заговорил Трой, отвечая на собственные мысли. Он потрепал лохматые уши Бади, всё ещё влажные: – Пойдём к горам? Рашмор посмотрим. Самая знаменитая гора Америки!

Пёс вывалил из пасти розовый язык и часто задышал, радуясь вниманию. Трой перепрыгнул через ствол поваленного дерева, по которому деловито сновали длинные муравьиные цепочки, и выбрался на берег Миссури. Спустился к воде, наполнил флягу и две пластиковых бутылки, подождал, пока напьётся собака, и повернул на север, прочь от реки. Прочь от города, который цепко держал его в своих границах, замыкая весь мир в закутке нескольких улиц.

Небо наливалось грозным желтовато-сизым свечением. Огромный грозовой вал накатывал на притихшее поле, на покосившиеся столбы с обрывками проводов, пляшущие свой нестройный танец вдоль обочины растрескавшейся, наполовину заросшей спутанной травой дороги. Предыдущую ночь Трой и Бади провели в кабине облезлого внедорожника, предварительно вытряхнув оттуда чей-то скелет с остатками трухи, в которую со временем превратилась плоть, а вот сегодня, похоже, придётся встретить ураган под открытым небом. Трой нахмурился. Подсохшая полоска свежего рубца натянулась и моментально зачесалась. Бади вытянулся в струну, повернувшись носом к первым порывам свежего, пахнущего влагой ветерка.

«Должна же куда-то вести эта чёртова дорога?» – подумал Трой, выбираясь на обочину из сухой канавы. Что-то подсказывало ему, что гроза после нескольких утомительно жарких дней может оказаться далеко не безобидной. В конце концов, Аллея торнадо проходила где-то здесь.

Четыре дня в пути, а он едва ли одолел и полсотни миль. Настороженное ожидание погони поначалу сменилось эйфорией. Свобода от обязанностей и чьей-либо воли пьянила не хуже вина. Но усталость от непривычно долгой ходьбы и растущая тревога, которую вызы-

вала мрачная безмолвная пустота вокруг, быстро задавили глупую радость. Оказывается, он не умел быть один. Держаться на расстоянии, воображать себя эдаким волком-одиночкой, сторониться других – хорошо только до тех пор, пока есть кого сторониться. Конечно, у него был Бади, но Бади – всего лишь собака, пусть даже самая лучшая на свете.

Трой вздохнул и прибавил шагу, стараясь не обращать внимания на зудящий припухший рубец и на тягучую боль в мышцах ног. Почерневшие столбы напоминали виселицы, а бесполезные изоляторы – уродливых нахохлившихся птиц, провожающих путников недовольными взглядами...

Под крышей, изрядно просевшей с одного бока, они оказались уже в темноте, которая обрушилась резко и лишь изредка освещалась вспышками далёких сухих молний. Первые крупные капли принёс ветер, внезапно грянувший несыгранным оркестром полоумных трубачей сквозь все щели старой постройки. Неизвестно кем и зачем сооружённая посреди поля в стороне от дороги, она закрипела, словно пьяный скрипач, не попадая в лад безумным музыкантам. Если бы не Бади, Трой ни за что не нашёл бы её сам. Но пёс, внезапно свернувший с дороги в невидимое чёрное поле, настойчиво пёр вперёд, и Трой решил положиться на его чутьё.

Неровное пламя костра, на которое пошла часть обвалившейся внутренней перегородки небольшого овина, отражалось в глазах Бади двумя крохотными язычками. Приплясывая на дующем в щели ветру, оно бросало на шершавые стены угловатые тени и потрескивало, когда с верхней балки срывались вниз капли дождя, просочившегося сквозь ржавое железо крыши.

Трой привалился спиной к рюкзаку и не мигая смотрел на танцующий огонь. Он был погружён в раздумья. Там, в городе, занимая всё своё время вылазками в опустевшие районы, преувеличенным рвением на дежурствах у блок постов, грубыми забавами Защитников, сводящимися к бесконечным стычкам, опасным играм с холодным оружием (до пальбы не доходило – патроны берегли) и запойным, неразборчивым чтением, он не давал себе такой возможности. В начале вынужденного путешествия по неизвестной местности его подгоняли не самые приятные ощущения любого беглеца. Мучили постоянная настороженность и ожидание подвоха с любой стороны в совершенно новом, незнакомом мире. Тогда ему было не до раздумий. Но сейчас, впервые за последние несколько дней почувствовав себя в относительной безопасности, он неожиданно попался в ловушку собственных воспоминаний. Этому не мешали даже близкие раскаты грома, вой ветра и автоматными очередями барабанивший по железу дождь.

Тот отчаявшийся, переплавивший свой ужас в бесстрашие берсерка мальчишка, которым он когда-то был, не прятался от своих мыслей. Он умел смотреть в лицо своим жертвам и имел смелость спрашивать – зачем? Сначала у других, тех, кто был старше. Позже – когда Стив залепил ему мощную оплеуху и посоветовал не забивать себе голову лишними мыслями, если он не хочет её потерять – спрашивал только себя самого. Пытался найти ответ. И, кажется, нашёл. Но тот Трой, которым он стал теперь, который так старательно избегал ненужных вопросов, этот ответ забыл. Похоронил глубоко в памяти. Так глубоко, что не докопаешься. И вот теперь вопрос «зачем?» снова всплыл у него в голове. Зачем он упрямо идёт куда-то? Зачем продолжает лишённую какого-либо смысла жизнь, когда ему уже семнадцать и до ужасного, вовсе не такого милосердного, как пуля, конца осталось совсем немного?

«Чёрт!» – поражённый внезапным воспоминанием, Трой выпрямился. В спину тут же вонзился холодный кинжал сквозняка. В захламлённой, заставленной штабелями пыльных книг комнате небольшого домика, который он занимал в полном одиночестве, под расшатанной доской пола в тайнике остался старый ежедневник в обложке из толстой буйволово́й кожи со стёртым тиснением – дневник. Дневник, написанный аккуратным почерком ученика началь-

ной школы, который позволил ему не сойти с ума в первый год после катастрофы. Который напоминал ему, кто он такой, ещё пару лет, и который он забросил, когда решил измениться и всё забыть. Досада и разочарование обожгли душу неожиданной злостью. В доме оставалось много того, что ему пригодились бы сейчас, а он сожалел о каком-то дневнике, самом бесполезном предмете из всех!

Трой делает уже четвёртую ходку от машины к гаражу и весь перепачкался в жирной смазке. Тело просит тепла, руки стынут от прикосновения к ледяному металлу тяжёлых автоматов, ноги скользят по серой наледи площадки перед воротами. Разгружают машину вчетвером – кроме Джунiorа и Троя, ящики с патронами и ещё какие-то, заметно более тяжёлые, таскают молчаливый Асер и сам Стив. Оружие они привезли откуда-то из Небраски, граница которой начинается прямо за городским мостом. Троя Стив с собой не взял, но позволил поучаствовать в разгрузке.

В тесной каморке, служившей раньше личным кабинетом покойного босса, а по совместительству родного дяди Стива – мистера Логана, тепло. Гудит раскалённым нутром железная печь. Трой с любопытством глазееет на содержимое одного из ящиков – оливково-зелёные шарики с тускло поблёскивающими рычажками, похожими на длинные утиные клювы.

– Гранаты М-67, по-простому – «гольф-болл», – Стивен усмехается, поясняя. Его отец был кадровым военным, до того, как вышел в отставку, а старший брат служил бы по сей день где-то там, где была война, если бы не Последние дни. Об оружии Стив знает всё.

– Хочешь парочку? – не то шутя, не то серьёзно интересуется он у Троя, подбрасывая в железную печь прямоугольники прессованной стружки, которых было вдоволь запасено на складе магазина охотничьих и туристических товаров. За толстым стеклом пляшет огонь, от раскалённых боков тянет жаром.

– А что, можно? – тут же реагирует Трой, не совсем понимая, зачем ему такая страшная штука.

Стив ухмыляется в отросшие усы.

– Возьми одну, заслужил. Потом покажу, как с ней обращаться. Подарок тебе к Рождеству, – Стив, хохотнув, сунёт Трою в руки холодный железный шарик со скобкой и кольцом.

Граната. Небольшая, она имеет какой-то игрушечный, несерьёзный вид. То ли дело – автомат! Но, попав Трою в руки, оказывается неожиданно тяжёлой и внушает некоторое уважение.

Граната тоже осталась в городе. Вместе с дневником и колодой карт с неприличными картинками, которую он нашёл в одном из пустых домов на Шестой Ист, она лежала в жестяной коробке под расшатанной доской пола в его домике у реки. Там же остались его любимый рюкзак, недочитанная «Зелёная миля» и множество мелочей, составлявших прежнюю жизнь.

Трой неосознанно коснулся рукоятки вальтера. Бади поднял голову и внимательно уставился на него, поблёскивая умными глазами, словно спрашивал: «Что? Что не так?».

– Спи, дружище, – отозвался Трой, похлопав по мощной когтистой лапе.

Старый пёс вздохнул и снова улёгся. Губы Троя дрогнули в улыбке. Бади, настоящая кличка которого звучала как «Паддингтон» в честь английского медвежонка, был собакой пожилой пары Уингтонов, которые жили на противоположной стороне улицы. Когда стряслись Последние дни, Бади был молодым добродушным любителем побегать за фрисби в парке или совершить долгую прогулку рядом с велосипедом мистера Уингтона, отставного пожарного

из Чикаго. Трою разрешалось трепать толстые лопушки собачьих ушей, когда кто-то из хозяев пса вёл его на прогулку мимо дома Спенсеров. А Бади позволялось разок лизнуть мальчика в лицо широким, горячим и влажным языком. Но быстро, пока не увидела мама...

Это случилось, когда Трой семенил за широкоплечим парнем в чёрном кожаном жилете, все время ускоряясь, чтобы не слишком отставать, и крепко сжав губы, чтобы не завывать от усталости и боли во всём теле.

Он прячется в кладовой безлюдного Музея музыкальных инструментов, где нет ни души, целую вечность. Без еды, практически без сна, вздрагивая от каждого звука. Удрал со школьного двора, поплутав по наводящему ужас городу, то и дело натываясь на мертвецов прямо на улице или в машинах, чьи двигатели работали, а фары продолжали гореть, Трой забился в самый тихий уголок, какой только обнаружил. Он сидит между стеллажей и стоек с футлярами и начищенными до блеска медными трубами, скованный ужасом, вспоминая все фильмы о зомби, восстающих из праха мертвецах, жутком конце света и тому подобном. Очень хочется в туалет, но выходить из тихого укромного уголка страшно. Наконец он не выдерживает и писает в урну, стараясь не замочить пол и не заплакать от стыда. Теперь нужно помыть руки – мама всегда следит, чтобы он мыл руки после туалета, но воды нет, и Трой просто трёт ладошки о старенькие домашние джинсы. Они коротковаты, и он видит серые и голубые полосы носков над кроссовками.

Снаружи слышатся тяжёлые шаги, и сердце Троя замирает. Дверь в музейный склад приоткрывается, вошедший с дневного света темноволосый парень, щурясь, с удивлением смотрит на воронёное дуло вальтера, направленное ему прямо в лицо. И вытянутые руки Троя даже не дрожат. Он изо всех сил давит на спусковой крючок отцовского Р99, но силёнок для выстрела не хватает... Взрослый усмехается, выкручивает пистолет из окаменевших рук Троя, едва не вывихнув ему запястья, и осматривает оружие:

– Угу, хорошая машинка. Если снять с самовзвода, вот так, – он что-то делает с пистолетом, – понадобится вдвое меньше усилий для стрельбы. Своё оружие нужно проверять. Это могло бы стоить тебе жизни, знаешь ли. Он хоть заряжен?

Парень отводит ствол в сторону и стреляет. Грохот заставляет Троя подпрыгнуть, а кислая вонь, поплывшая сизой струйкой в неподвижном воздухе – скривиться. Ему страшно и немного стыдно. Широкие брови незнакомца удивлённо изгибаются под каштановой чёлкой, он задумчиво смотрит на насутившегося мальчишку.

– Как зовут? – едва слышит Трой сквозь ватный шум в ушах.

– Трой меня зовут, – бурчит он, набравшись смелости, не сводя глаз с отцовского оружия в широкой, не слишком чистой руке парня.

– Стив, – представляется парень – совсем большой, ростом почти с папу, но моложе. – Пацан ты отчаянный, хоть и мелкий. Пошли, один пропадёшь. Держи, – он протягивает Трою вальтер, – отличный пистолет.

Трой несмело кивает. Ему нравится, что Стив похвалил отцовское оружие. Он опускает пистолет в карман и отправляется за Стивом, даже не спросив – куда. Не желая себе в этом признаваться, Трой отчаянно боится снова остаться в одиночестве. А на Тринадцатой Ист, напротив засаженного розами сада, на них с визгливым воем насккивает Бади. Стив

успевают вскинуть свой дробовик, но не стреляет. Скуля, размахивая хвостом, дрожа и подпрыгивая, собака лижет и лижет лицо Троя, тычась мокрым носом в глаза, лоб и щёки.

– Твой, что ли? – тревожно оглядываясь по сторонам, спрашивает Стив.

– Мой, – уверенно врёт Трой, пытаясь успокоить ошалевшего от радости пса.

– Так бери его и пойдём. Надо убраться с улицы.

Трой снова посмотрел на тёмный силуэт Бади, распластавшийся на земляном полу. Собака приоткрыла глаза, вздохнула и снова погрузилась в дремоту. Мысли стали вязкими и тягучими, прокручиваясь в голове все медленнее и медленнее – Трой засыпал. Внезапно Бади шаркнул когтями по земляному полу, поднимаясь. Сначала привстал на передние лапы, нелепо полусидя с заваленным задом, а потом и на все четыре. Шерсть на холке вздыбилась, в горле глухо, едва слышно зарождался рык. Пёс смотрел в стену за спиной Троя, но ничего, кроме воющей бури, сотрясавшей сарай, слышно не было.

Трой мягко опустил ладонь на пистолет, лежавший тут же, под рукой, и тихо поднялся.

– Иди, Бади, посмотри, что там? Вперёд! – шепнул он псу и осторожно двинулся следом, в сторону перекосившегося входа в противоположном конце постройки. Двери у сарая отсутствовали.

– Эй! – раздалось снаружи ломкое и отчаянное. – Я войду?

Тут же зарычал пёс, и непрошенный гость воскликнул:

– Собаку убери!

Голос был девчачьим. Простуженным. Полным нетерпения.

– Бади, ко мне! – прикрикнул Трой, высовываясь из-под нависающей крыши. – А ты – покажись-ка.

Из-за водяной завесы выступила тонкая фигурка. Длинная мокрая куртка с капюшоном скрывала её почти целиком, вздуваясь горбом на спине. В руке, стволом вниз, смотрел в натёкшую лужу карабин.

Бади проскользнул между дрожащей от холода гостьей и Троем, и уселся рядом с его ногами, всё ещё глухо ворча.

На первый взгляд, единственная живая душа, встреченная им со времени бегства от банды Хорька, выглядела жалко. Тёмные волосы прилипли ко лбу и щекам; вода ручьями лилась с куртки не по размеру; ноги, облепленные мокрыми джинсами, утопали в чудовищно грязных, тяжёлых ботинках. Она съёжилась у огня, протянув над ним трясущиеся руки, словно намеревалась поджарить их на ужин.

Бади с подозрением подрагивал носом, пытаясь по нюху определить, что за гостя привлёк к себе их костёр. Трой тоже был не в восторге от появления вооружённой незнакомки, но – он снова внимательно оглядел её с ног до головы, от посиневших губ до грязных ботинок – прямо сейчас никакой угрозы она для него не представляла. Настоящий враг бушевал за хлипкими стенами, неумолимый и беспощадный. Способный, пусть только на одну ночь, объединить двоих одиночек, вся задача которых сводилась к тому, чтобы выжить. Сегодня. Сейчас.

Трой не стал гадать, что эта шуплая девчонка делает здесь совершенно одна. Какой смысл? Чужие проблемы его не интересовали – хватало своих собственных. Утром они разойдутся, каждый своим путём, а до утра ещё надо было дожить.

Натали

*Там, где встречаются двое, на самом деле встречаются шестеро:
каким каждый себя представляет, каким его видит другой и какой он
на самом деле.*

Уильям Джеймс

Большого ранчо, обозначенного на карте, в действительности больше не существовало. Раскиданные на полмили кругом доски, гнущее железо и прочий хлам – вот и всё, что от него осталось. «Торнадо», – вздохнула Натали. Такую картину она видела не впервые, но Великих Равнин по дороге на юг было не миновать, а торнадо здесь и раньше никого не удивляли. Плохо лишь то, что до ночи нужно найти хоть какое-нибудь укрытие. Опустевшие земли Южной Дакоты кишели травоядными и хищниками, а одинокую путницу койоты считали вполне привлекательной добычей. Доказывать же упрямым, хоть и трусоватым тварям каждую ночь, что это не совсем так, ей нисколько не улыбалось. Да и тёмная полоса на горизонте не сулила ничего хорошего. Натали пошла быстрее. Пульс, дыхание и темп шагов сливались в одном ритме. С тех пор как она отважилась покинуть кемпинг «Орлиное гнездо» в горах над крохотным городком Маунтин-Крик и прошагала сотни миль на своих двоих, ходьба давалась ей без особых усилий. Куда большие трудности она испытывала во время остановок. Хочешь не хочешь, а сон был необходим. Засыпать было всегда рискованно, и опасность представляли не только звери...

Девушка поправила лямки отличного туристического рюкзака. Его и множество других полезных вещей она раскопала среди груды никому не нужного багажа в маленьком, пустом и по-настоящему мрачном аэропорту Пирра. Город – разрушенный, занесённый илом и обломками, заболоченный и пустой – погиб во время наводнения, а маленький аэропорт устоял. Чудом уцелевший ангар, с выбитыми стёклами, чахлыми кустиками, проросшими в нанесённой снаружи земле, потемневшими сцепками старомодных кресел и пятнами от высохших луж на плитах невзыскательного пола, наводил тоску запустением. Но ещё большую тоску вызывали самолёты, ржавеющие на скрывшейся под натиском травы стоянке – два больших винтовых и один совсем маленький, завалившийся на левое крыло. Пусть они и не были гордыми боингами, на которых её семья обычно путешествовала, но мысль, что эти машины, рождённые для неба, уже никогда не смогут в него подняться, Натали тогда очень опечалила. Когда-то она очень любила летать.

Дождь начался, когда она свернула с шоссе на узкую дорогу, едва различимую в полумраке навалившейся на мир грозовой тучи. Натали по опыту знала, что такие дорожки ведут к одиноким фермерским домам, где шансов выжить было немного, а значит, и встретить кого-нибудь можно было не опасаться. В этих потемневших пустующих постройках она ночевала не раз. Но изломанный асфальт дороги всё не заканчивался. Покрывавшие его трещины и ямы быстро заполнял ливень, а никакого жилья не было видно. Вообще ничего не было видно. Грозные высверки далёких молний, на миг соединявшие чёрные, блестящие от воды поля и грозно бурлящее низкое небо над ними, только ослепляли. Дождевик не промокал, но усилившийся ветер загонял холодную воду под капюшон, прямо в лицо. Она текла по подбородку, шее и через горловину дальше вниз. Натали фыркала, отплевывалась, сдувая воду с губ, и упрямо шагала вперёд. Противоборствуя ветру, с трудом переставляя ноги в тяжёлых, словно кандалы, изрядно побитых туристических ботинках. Ощущая, как вода шутя преодолевает преграду из промокших джинсов и стекает по ногам.

Она бы прошла мимо покосившегося сарая в поле, если бы не короткая пауза, которую дал ей ливень, превратившись на несколько секунд в обычный дождь. Если бы не красноватый свет огня, пробивающий тьму через щели в стене. Если бы не очередная, совсем близкая молния, высветившая обрез крыши на фоне жутковатого бурления в небе. Позабыв всякую осторожность, Натали заспешила вперёд, увязая в размокшей земле. Высокая трава спутывала ноги, цеплялась за полы дождевика. Девушка брела, тяжело дыша и захлёбываясь водой, которая полилась в лицо с утроенной силой. Ветер рвал с головы капюшон, леденил мокрые ладони, которыми она раздвигала траву, но не в силах был задержать и, уж тем более – остановить рвущееся к огню тело. Температура упала градусов на пятнадцать, и Натали замёрзла так, что зубы приходилось крепко сжимать, чтобы они не стучали.

Собственный голос показался ей до невозможности жалким, когда она, пересиливая желание ввалиться внутрь постройки немедленно, спросила разрешения войти. В ответ раздалось грозное рычание и блеснули зубы в пасти крупной лохматой собаки, выскочившей из сарая. Инстинктивно вскинув карабин, Натали всё же не выстрелила, а только крикнула, стараясь, чтобы испуг в голосе не был так заметен:

– Собаку убери!

Она видела чью-то длинную тень у входа. Тень была одна. В проёме, обрисованном неровным светом костра, показался высокий парень и отозвал собаку. Натали выдохнула и шагнула под скат крыши, к теплу. С неё лила вода, словно ливень пробрался внутрь, тоже получив молчаливое разрешение войти.

– Спасибо.

Зубы предательски клацнули. С мокрой чёлки капало на глаза, и она плохо разглядела хозяина, медленно переставляя чугунные чушки ботинок, облепленных комьями жидкой грязи, поближе к манящему огню. Скинув капюшон и прислонив ремингтон к бедру, она протянула к костру дрожащие ладони. Ощущение живого тепла медленно возвращало голове способность соображать.

Хозяин подошёл и остановился напротив. «Да он, скорее, такой же заблудший путник, как и я», – мелькнула мысль, едва Натали сообразила, что смотрит сквозь огонь на потёртый рюкзак у стены. Парень молчал и мрачно оглядывал её с головы до ног. Не слишком высокий, поджарый, в джинсах и линялой футболке. Короткий ёжик светлых, красноватых в отблесках пламени волос топорщился на макушке, а чуть более длинная чёлка нависала над сведёнными в линию бровями. По виду – её ровесник или чуть старше.

Натали всхлипнула. В глазах незнакомца полыхала безжалостная, угрюмая ярость. Эта ярость разом вышибла из неё остатки сил. Ноги подогнулись, и она опустилась на колени. Девушку накрыла волна обречённого безразличия. Она слишком устала. Собака тяжело плюхнулась рядом, тоже поглядывая на неё с явным неодобрением.

– Я – Натали, можно просто Нат, – пришлось прервать паузу первой, хотя слова давались ей труднее, чем мысли, ведь она давно ни с кем не разговаривала.

– Трой, – коротко представился он. – Курткуними. Одежда другая есть?

С неё всё ещё капало. Рюкзак под дождевиком оттягивал плечи. Натали кивнула и взялась за ствол карабина, чтобы отставить его в сторону. Собака немедленно приподнялась и угрожающе зарычала.

– Спокойно, Бади, спокойно, – мягко осадил её парень.

Стянув дождевик и скинув рюкзак, Натали достала сухие вещи. Отходить от огня не хотелось, но не переодеваться же прямо на глазах у этого смурного Троя? А он отворачиваться не спешил, продолжая хмуро за ней наблюдать.

Переодевшись за полуразобранной стенкой загона и поставив складное походное ведёрко у входа, под льющую с крыши воду, Натали вернулась к огню. Из еды у неё оставалась только неприкосновенная банка консервированной ветчины на крайний случай. Похоже, что именно

такой случай имел место прямо здесь и сейчас – ничего, кроме полупустой пластиковой бутылки с водой, у костра она не заметила.

– Вот, сможешь открыть?

Банка была большая, без привычного алюминиевого ключа. Вместо сожаления Натали испытала радость – завтра рюкзак станет легче.

Парень вынул нож из кожаных ножен на поясе и привычным движением взрезал жестяную крышку. «Хороший нож», – отметила Натали. По жалкому убежищу поплыл восхитительный аромат. Натали проглотила слюну. У Троя дёрнулся кадык. Собака издала звук, похожий на стон. Все трое уставились на полтора фунта розового мяса, бог знает когда упакованного в жестяной треугольник, украшенный аляповатой и хвастливой надписью «ДАК. Премияльная ветчина».

Натали согрелась. Съеденные на троих консервы странным образом взаимодействовали с веками: ей казалось, что, провалившись в желудок и поселив там ощутимую тяжесть, они принялись тянуть книзу и веки – глаза упрямо закрывались, сколько бы усилий она ни прилагала к тому, чтобы держать их открытыми. Сонно поудивлявшись такой взаимосвязи, она совершенно неожиданно оказалась дома, в Нью-Йорке, в огромном лофте, который служил им жильём из-за того, что маме нужен был свет.

В сплошное окно, заменяющее в маминной мастерской наружную стену, щедро льётся свет июньского солнца. Удивительный пол, всегда тёплый, избороздён извилинами загадочных рисунков по старым дубовым доскам. Доски нашла мама, их отреставрировали, уложили на пол порядком «вразбежку», так это называлось, и покрыли особенным, не блестящим лаком. Натали лежит на этом полу, разглядывая древесный рисунок и воображая себя крошечным человечком, путешествующим по извилистым полоскам-дорогам необъятного волшебного мира.

– Ната! – звенит мамин голос, но самой мамы она не видит. – Встань с пола, нам пора уже, а ты разлеглась!

Далеко-далеко, если смотреть глазами крошечных человечков, возле входной двери, стоят два больших чемодана и деревянный этюдник. Чуть в стороне поблёскивает застёжками-молниями мамина «рабочая» сумка – большая серая ишукovina на колёсиках, с красками, кистями, разобранными подрамниками и прочими очень нужными художнику вещами. Мама Натали – известный художник. И они вот-вот должны спуститься вниз, к такси, которое отвезёт их в аэропорт. Две недели пленэра для мамы и беззаботного отдыха для маленькой Натали и папы. Две недели папы, всегда такого занятого, рядом! Натали вскакивает и вприпрыжку бежит к дверям... Загадочное «Орлиное Гнездо»! Папа обещал, что возьмёт её на настоящую охоту!

Безо всякого перехода она вдруг оказывается в воде. Нет, в снежной подтаявшей каше, устроившей ледяную ловушку во впадине между двумя могучими соснами, куда Натали и проваливается по грудь. Корочка наста просто не выдерживает её веса. Они с Ким возвращаются с охоты, не слишком удачной в это время года.

– Держись! – кричит ей Ким прямо в лицо, когда, оскальзываясь на склоне, обрываясь на каменных уступах, они бредут обратно. И она держится, едва переставляя онемевшие от холода ноги, думая о том, как здорово было бы просто упасть прямо здесь, в лесу, и заснуть... Ким,

*срывая голос, тормозит подругу, попутно распугивая всё зверьё окрест.
Но до кемпинга они добираются.*

Только почему опять так мокро? Натали открыла глаза. Угли в костре ещё тлели. Ветер утих, но дождь не унимался. Ей за шиворот метко и часто капало с прохудившейся крыши. Капало и на угли, они в ответ сердито шипели.

Трой спал полужёжа, запрокинув голову на рюкзак так, что ей был виден только подбородок, покрытый изрядно отросшей щетиной, и горло, беззащитно открытое, с выпирающим треугольничком кадыка. В серых утренних сумерках сарай выглядел ещё более жалким, чем накануне ночью, но, несмотря на прогнутые стропила, весьма условные стены и отсыревший земляной пол, от бури он их всё-таки защитил.

Собака внимательно наблюдала за тем, как Натали встала, но с места не сдвинулась. Однако стоило девушке протянуть руку к притулившемуся у стены карабину, псина беззвучно подняла верхнюю губу и оскалила внушительные клыки. «Чертовски умный зверь!» – решила Натали. Оружие ей было не нужно, нужно было понять, насколько она свободна. Против того, чтобы девушка вышла наружу с пустыми руками, собака ничего не имела.

– Поговорим? – хриловатый со сна голос Троя застал её врасплох, едва она вернулась обратно под крышу.

Поставив на пол с трудом отмытые от ночной пробежки по полю ботинки, Натали трянула головой, сбрасывая капельки воды.

– Конечно.

Она собрала волосы в хвост и присела на прежнем месте, разглядывая своего собеседника.

– Куда идёшь? – начал он, проводив взглядом собаку, потрусившую к выходу.

Вопрос был трудным. Пару месяцев назад у неё были мысли по поводу цели своего путешествия, но с тех пор многое изменилось.

– На юг.

И это было правдой. От первоначальных планов осталось только направление. Натали помедлила секунду и продолжила:

– А ты куда?

Судя по тому, как съехались над переносицей брови, образовав вертикальную морщинку, какие-то сложности с ответом имелись и у него.

– На северо-запад. В горы.

Натали хмыкнула.

– Слушай, Трой, я ничего не скрываю. Я... просто не знаю, куда иду. Туда, где теплее, чем там, где я жила раньше. Если повезёт – найду компанию. Если нет – просто место, где можно жить. Милях в сорока отсюда есть городок, там мост, за ним – Небраска, Миссури, а за ними – тёплые штаты...

– Там давно нет моста. Снесло большим наводнением почти в самом начале. И ходить туда не стоит.

Он потёр лицо ладонями и потянулся за водой.

Натали ждала продолжения, но его не последовало.

– Ты там был? Давно? Что там такое? – не спросить она не могла, ведь следующий мост был только на востоке, а до него совсем не близко.

– Я там жил. Если собираешься на юг – обойди город стороной.

Любезность за любезность – Натали кивнула.

– Хорошо, спасибо за предупреждение. А ты не суйся в районы от Оахе до Форта Томпсон. Обеих плотин больше нет. Да ничего там нет с восточной стороны реки. Болота. Сохранился мост в Чемберлене. Железнодорожный. Автомобильного тоже нет. Город пострадал,

там никто не живёт, хоть вода и ушла. Вообще, вдоль реки идти не стоит. Не знаю, как там выше по течению, до Оахе, но тысяча квадратных миль спущенного водохранилища наделала много бед...

– Чёрт, я даже не знал, что там два моста было! Ты-то откуда столько знаешь? – он озадаченно уставился на Натали.

Она пожала плечами.

– Я готовилась.

...Сесиль умерла в начале апреля. В конце концов, она и Натали оказались самыми младшими из числа собравшихся в «Орлином гнезде» ребят. Двойняшки Колин и Тейт умерли в первую зиму, ведь они были совсем малышами. Шустрый и неунывающий Робин разбился, упав со скалы во время охоты. А остальные были старше. И они погибали один за другим, пока она не осталась в затерянном среди гор кемпинге совсем одна. Но сразу уйти не решилась – поход в неизвестность страшил даже больше, чем полное одиночество. Она имела слабое представление о том, что творится в остальном мире.

Земля, и так каменистая, пронизанная корнями вековых сосен, ещё не оттаяла, приходится заваливать тело камнями. На это уходит два дня. Два дня она не может ни есть, ни спать. Таскает камни, собирая в кучу прежде, чем вынести тело из коттеджа, иначе обнаглевшие и оголодавшие за зиму волки, а то и кто похуже вроде пумы или медведя, не оставят даже костей. Ещё неделю сидит в кемпинге совершенно одна, ожидая, пока установится погода, и только потом спускается вниз, в Маунтин-Крик, город мёртвых.

Никаких мертвецов, разумеется, там больше нет, но детский страх поднимается удушающей волной в груди, едва она подходит к краю долины. Городок, живший доходами от туристов и охотников, в плане подготовки к путешествию оказался как нельзя более подходящим местом. Да что там! Вся их группа выжила только потому, что в Маунтин-Крик было для этого всё необходимое.

Натали часами сидит над картами в маленькой гостинице, продумывая свой маршрут. Ей кажется, что стоит дойти до Рэпид-Сити или другого большого города, и она вновь обретёт то, что безвозвратно потеряла: семью, дружбу, поддержку.

Натали знает, что кое-кто завидовал ей из-за того, что она была самой младшей, но думали ли они о том, каково остаться последней? Надежда на другую жизнь, которая ждёт её там, внизу, приглушает страх одиночества. Ранним утром она покидает Маунтин-Крик по старой, заросшей длинными плетями прошлогоднего бурьяна дороге.

Отогнав воспоминания, такие яркие, что она не заметила, как вернулась собака, Натали продолжила:

– У меня хорошие карты, да только многое изменилось. Кое-чего больше нет, а кое-что, чего раньше не было – появилось. Так что на них не стоит слишком рассчитывать. А зачем тебе горы?

Трой собирался ответить, даже рот раскрыл, но его прервал сдавленный писк и возня в углу за разобранной стеной.

– Бади? – окликнул он пса.

Собака вывернула из бывшего загона, пятясь задом, мокрую шерсть украшала паутина и какая-то труха, но в пасти болталась необыкновенно жирная луговая собачка, весом в доб-

рых четыре фунта! Пёс аккуратно положил тушку у кострища и вернулся обратно, чтобы притащить ещё одну, помельче.

– Молодчина, Бади! – Трой потрепал собачьи уши, за что был вознаграждён попыткой слюнявого «поцелуя», но ловко уклонился.

Пёс снова исчез за стеной, и там засопело и зачавкало.

Натали наблюдала за всем происходящим с нескрываемым восторгом. А Трой, похоже, нисколько не удивился. Понимал ли он, что за чудный зверь путешествует вместе с ним?

Освежать тушку упитанного грызуна у неё получилось быстрее и куда более аккуратно, чем у парня. И дело было не в том, что она орудовала привычным ножом, а в том, что Трой, чей нож был, кстати, лучше её собственного, просто не умел этого делать.

– Ты не ответил, – продолжила Натали прерванный разговор, сделав вид, что не заметила его неловкость. – Зачем тебе к горам?

– Затем же, зачем тебе – на юг, – раздосадованно буркнул Трой, мельком глянув на аккуратно освежёванную тушку перед Натали, махнул окровавленной рукой и протянул ей несчастную, наполовину ободранную зверушку. – Может, ты закончишь? Как-то ловко у тебя вышло... Пойду умоюсь и досок ещё принесу.

Съёжившиеся полоски мяса потрескивали жиром на крышке и на дне опустевшей жестяной банки, как на сковороде. Производителю ветчины «ДАК» даже не снился аромат, который издавало жарящееся мясо крупной полевой крысы. Дождь прекратился. В разрывы облаков, которые сменили вчерашнюю тучу, уже проглядывало солнце, пробиваясь полосками света внутрь сарая сквозь щели между досками.

Натали задумчиво смотрела на Троя, который бездумно гладил пса, размышляя о чём-то своём. Серые глаза парня потемнели, и взгляд был направлен в такие дали, к которым ни жалкий сарай, ни Натали, ни даже аппетитные кусочки мяса не имели отношения. Дым лениво поднимался под высокий конёк покосившейся крыши и выползал наружу. Ещё полчаса-час, и они разойдутся в разные стороны...

«Неужели только мне это кажется глупым? – неожиданно рассердилась Натали. – Встретить кого-то нормального, совершенно адекватного, провести вместе несколько часов и снова уйти бродить в одиночестве по опустевшему, совсем недружелюбному миру?» Что-что, а недружелюбие и пустоту она смогла оценить во всей полноте за три месяца своих скитаний. Привычка считать дни, усвоенная в «Орлином гнезде», позволяла ей точно знать, какой нынче день, а тяжёлые мужские часы, прощальный подарок Колина Милза, исправно показывали время. Главное, не забывать каждый вечер подкрутить колёсико завода. И Натали не забывала. На ночь заводила их, вспоминая худое нервное лицо умного бесстрашного парня, который пробыл с ними так недолго. Как помнила каждого из ребят и девочек, переживших апокалипсис в заповеднике.

– Трой! – внезапно решила она, не давая себе времени отступить.

Взгляд парня обрёл осмысленность, в нём даже проскочила искорка любопытства.

– Не ходи на север. Давай пойдём вместе? На юг.

Ну вот. Она это сказала. Кровь прилила к лицу, и Натали с недоумением прислушалась к себе, к совершенно забытому, далёкому, как сон, чувству неловкости, неизвестно почему захлестнувшему её.

– Думаешь, там лучше? – проигнорировав её «вместе», спросил парень, забавно заломив бровь, отчего мрачноватое выражение лица показалось ей по-детски наивным.

– Не знаю, но я пришла с северо-запада. И там нет мест, где было бы лучше, чем вот здесь, сейчас. Долину Миссури погубили плотины. На той стороне, ближе к Блэк Хиллс, есть люди. –

Она замолчала, прикрыв глаза. Выдавила, удивляясь, что это до сих пор может причинять боль: – Еле ноги унесла. И климат там резкий. Севернее я не была.

– Климат и здесь не подарок. Не Флорида, прямо скажем. Я думал под торнадо попадём ночью...

Едва заметное облегчение, померещившееся Натали в ответе, заставило сердце забиться чуть чаще. Она опустила глаза, опасаясь выдать отчаянную надежду, которую зародил его тон. Заострённым обломком гладкой палки, служившей в прошлом рукояткой какого-то инструмента, она приподняла полоску мяса, подрумянившуюся, истекающую соком, и, сдвинув жестяной лист с углей, торжественно произнесла:

– Можно есть!

Розовая мгла рассвета таяла на горизонте. Тучи исчезли, словно их никогда и не было. Натали помедлила и оглянулась. Кромка крыши приютившего их на ночь сарая ещё виднелась, а вот Трой и Бади уже исчезли, затерялись в высокой траве.

Ей было горько от того, что он не согласился продолжить путь вместе. Собственное одиночество ощущалось сейчас особенно остро. Уходя всё дальше на юго-восток по бесконечным пологим холмам и равнинам Ист-Сайда, Натали не уставала поражаться огромности этой земли и бездонности неба, гигантской чашей опрокинутого над дикими полями. Там, в Чёрных горах, где ей пришлось расти, небо пряталось за нависающими скалами и макушками сосен. Никто не смотрел вверх, опасаясь свернуть шею на скользких корнях или застрять в коварной расщелине. Здесь же не смотреть в небо было просто невозможно – оно было повсюду.

Эти земли не были её землями, как и горы, из которых она пришла. Натали вздохнула, поправила карабин и продолжила путь. С раннего детства она привыкла к путешествиям с родителями, но все они непременно заканчивались возвращением домой. И вот теперь приходилось брести посреди бесконечных волн травяного моря прерий и думать, будет ли когда-нибудь конец у этого затянувшегося путешествия.

Погружённая в мысли, она не сразу почувствовала опасность. Далёкие тревожные выкрики громадного орлана, которых здесь было немало, заставили её замереть. Сердце сжалось, по спине поползли мурашки. В стелющейся под тёплым ветерком траве мелькнула исчезающая на глазах дорожка. И ещё одна, правее. И ещё. Ещё. Кто-то брал её в кольцо, оставляя неширокий проход впереди, в который и следовало бежать. Это были не лошади, не жутковатые бизоны, которых расплодилось великое множество – тех всегда было видно даже из самых высоких зарослей.

Что случилось раньше – короткий хриплый вой или инстинктивное напряжение в мышцах ног, такое сильное, что она едва не упала, пытаясь удержаться от панического желания тела бежать? «Волки!» – сверкнуло в мозгу. Карабин моментально оказался в руках, и она выстрелила наугад по далёкому пока следу в траве. – «Не беги! Не беги!» – билось вместе с учатившимся пульсом.

С макушки длинного плоского холма Натали могла видеть движение части стаи. Стоит спуститься – и всё, она пропала! Но пропала она в любом случае. Убежать от них не удастся. Почему волки охотились утром? Почему на неё, ведь здесь можно было найти другую добычу? Она не знала. Выстрелила снова и услышала немедленный ответ: угрожающий, многоголосый подвывающий диалог.

Кольцо сужалось. Натали попала в зверя, судя по высокому, твякающему скулежу в траве. Увидела мелькнувшую в двадцати ярдах остроухую голову. Крупную, длинномордую. Последняя надежда на то, что она ошиблась, и это – койоты, растаяла.

Он вышел на последний выстрел – крупный самец, светло-серый с рыжими подпалинами. Слева показался другой, третий. Звери ворчали, огрызались друг на друга, щёлкая зубами, и подходили всё ближе, больше не скрываясь. У неё оставался один выстрел. И нож на поясе. Пятизарядный ремингтон был привычным оружием для охоты, и остаток патронов мозг отмечал автоматически. Перезарядить она уже не успевала. Вот тогда страх и набросился на неё в полную силу. Карабин опустился, выскальзывая из немеющих рук. Горло сжалось в судорожном спазме. Сердце затрепыхалось отчаянно и неровно. Зрение сузилось до узкой полосы. И ничего она поделать не могла. Словно сквозь вату донеслось яростное рычание и пальба, но она никак не отреагировала – Натали готовилась умереть, она сдалась.

И тогда в полосе оставшегося зрения возникла волчья морда. Девушка видела её болезненно чётко, до последней шерстинки, до кончиков коротких усов. Пасть была приоткрыта, подрагивал длинный розоватый язык, и глаза... Не было в них ни злости, ни ярости, ни страха – ничего человеческого в чистых безжалостных глазах зверя. Он смотрел на неё как на свою добычу. Он готовился к прыжку. Словно во сне, не отрываясь от этих жёлтых глаз, Натали подняла карабин и нажала на спуск. Волка отбросило...

И всё-таки это были койоты. Очень крупные и наглые, таких Натали ещё не встречала – настоящие хозяева здешних мест. Всех перестрелять не удалось. Трое успели убежать. Бади тяжело дышал и нервно зевал, пока Трой осматривал неглубокую рану на холке, прячущуюся в густой шерсти пса. Натали трясло. От пережитого. От неожиданной слабости, которой она от себя не ожидала. От облегчения. От стыда.

Закончив возиться с собакой, Трой уставился на далёкую линию горизонта. Он сидел на примятой траве молча, не удостоив Натали даже взглядом, а она так и стояла на макушке холма, не замечая, что плачет, пока дыхание не прервалось протяжным всхлипом. Горькие злые слёзы отчаяния, накопленные за месяцы, а может быть – за все годы, прорвались откуда-то из хрупкой сердцевинки её души, обросшей бронёй невозмутимости и равнодушия. Прорвались и жгли едкой солью обветренную кожу щёк.

– Чего ревёшь-то? – грубо проворчал парень, поднимаясь. – Отбились же.

Бади проковылял, слегка прихрамывая, десять ярдов, которые их разделяли, и ткнулся мордой в ладонь девушки, туда-сюда махнув широким лохматым хвостом. Ей словно подружили ноги – Натали рухнула на колени перед собакой и уткнулась лицом в остро пахнущую шкуру, сотрясаясь в самых настоящих рыданиях.

– Ну всё. Всё, слышишь?

Тяжёлая горячая ладонь опустилась ей на плечо.

– Хватит. На, воды глотни, что ли? – Трой возвышался над ней тёмным силуэтом, стоя против солнца, и протягивал ей свою флягу.

Сделав пару глотков, она плеснула воды в чашечку ладони и обмыла лицо. Глаза жгло, нос заложило, дыхание прерывали судорожные всхлипы, но слёзы остановились.

– П-прости, – просипела она, – не знаю, что со мной. Давно не плакала.

– Бывает.

Трой пожал плечами и выщелкнул магазин из своего пистолета. Сменив его, принялся заряжать дробовик, по-прежнему не глядя на Натали.

– Спасибо, что вернулся, – тихо, так тихо, что едва могла сама себя расслышать, пробормотала девушка.

– Это Бади, – Трой закинул ружьё за спину, – его благодари. Много волков здесь?

– Это койоты. Их должно быть много. Настоящих волков по эту сторону Миссури я не встречала. Вест-Сайд кишит ими, но там они на меня не покушались. Ни разу. Может быть, просто повезло?

Повисла неловкая пауза. Высоко в небе кружил орлан, высматривая себе добычу. Солнце начинало припекать. Натали вздохнула. Это оказалось чертовски трудно – просить его снова. Слова выдавливались из неё медленно и неохотно, шершавые и ломкие, как сухая трава.

– Пожалуйста, Трой, возьми меня с собой?

– Я иду к горе Рашмор, а не на юг, – отозвался он после недолгого молчания.

Натали поёжилась. Меньше всего на свете она хотела бы снова оказаться в окрестностях Рапид-Сити, но стоило ли обсуждать это прямо сейчас? До Блэк-Хиллс пара месяцев пути. Целое лето. И куча вещей, которые могут заставить его передумать...

– Тебе крупно повезло, – неуклюже пошутила она, – я знаю короткую дорогу.

Это только кажется, что когда смерть неотвратима и даже известна её примерная дата, то и жизнь теряет большую часть своей ценности. На деле всё выглядит совершенно иначе: жизнь, неважно, в каких условиях, начинает казаться невыносимо прекрасной, и случайные угрозы только обостряют эту невероятную жажду – жить, несмотря ни на что. Поводов, чтобы в этом убедиться, у Натали было предостаточно. Эпизод с койотами отходил на задний план. Была у неё такая особенность, вроде «об этом я подумаю завтра» Скарлетт О'Хара – принимать случившееся без долгого заламывания рук и просто идти дальше. Она и шла, упиваясь звоном насекомых в траве по обочинам, придумывая образы редким облакам в пронзительно-голубом небе, украдкой поглядывая на своего молчаливого спутника. Он выглядел так, словно решал в уме сложную задачу. Натали догадывалась, что именно занимало мысли Троя. «Какого чёрта я согласился?» – было написано у него на лице.

Через час она не выдержала. Долгие месяцы внутренних монологов вовсе не приучили её к молчанию, как выяснилось – наоборот. В голове противно зудели вопросы, роясь, словно назойливая мошकारа. Язык шевелился во рту, беззвучно проговаривая слова, и только крепко стиснутые зубы не давали ему высунуться наружу на манер собачьего...

– Откуда у тебя Бади? – спросила, глядя на чёткий профиль, на свежий шрам, багровой лентой перехватывающий правую сторону головы парня. – Мы собакам не доверяли. Они в городке мертвечиной питались, одичали, но не поглупели. А потом пропали куда-то. Может волки съели, может сами волками стали...

Трой покосился в её сторону, потом перевёл взгляд на неспешно трусящего впереди пса – тот немного прихрамывал.

– Бади принадлежал нашим соседям. Он со мной с последних дней. В городе, кроме него, собак не осталось. Всех ещё в первую зиму переловили и съели.

Натали вздрогнула. Не то чтобы она была слишком разборчивой в еде, но спокойствие, с которым Трой говорил, показалось ей кощунственным. Пришло в голову, что она совершенно ничего о нём не знает. Не о том, где он жил и чем занимался, а о том – кто он такой, каков он? В памяти зашевелились воспоминания о «гостеприимном» Рапид-Сити, и затылок обдало холодком.

Они шли по шоссе на запад. По тому самому, которое и привело её сюда днём раньше. Милях в пяти впереди была сгоревшая заправка и чудом уцелевшая закусочная позади стоянки для грузовиков. Натали миновала её прошлым утром, после ночёвки в старом пикапе, застрявшем на обочине дороги.

Тени совсем исчезли, съёжившись у них под ногами, когда вывеска закусочной – радушный толстый дядюшка Дюк, перекосившийся на один бок – показалась в мареве над перегретым асфальтом. Когда-то это место было оживлённым, но теперь являло собой жалкое зрелище. Заросшая бурьяном большая стоянка для грузовиков была пуста, заправка представляла собой беспорядочную грудку чёрного, искорёженного в огне металла. И только закусочная стояла как ни в чём не бывало.

– Что там... – Трой неопределённо повёл рукой, когда они вытянули ноги, расположившись на драном диванчике в пыльной, зато прохладной тени небольшого помещения, – там, в мире?

– Разное, – уклончиво отозвалась Натали, завинчивая пробку на пластиковой фляге.

Трой нахмурился, продолжая смотреть, как она убирает флягу в рюкзак, как затягивает потуже сползшую резинку на волосах. Как можно было коротко ответить на такой, казалось бы, простой вопрос? «Ужас»? «Очень красиво»? Местами так и было. А местами...

– Я должна рассказать тебе о Рапид-Сити, раз уж мы направляемся к Монументу, – тихо проговорила Натали, опуская глаза. Она понятия не имела, как скоро они наполнятся слезами, так что решила не рисковать.

– Когда я осталась одна...

Рапид-Сити был большим городом. В представлении Натали, родившейся в Нью-Йорке, там должны были выжить многие. Но, пошуровав в туристических справочниках, которыми были забиты все магазинчики Маунтин-Крик, она с разочарованием убедилась, что большой город – понятие относительное. Численность населения Рапид-Сити до Последних дней едва приближалась к жалким семидесяти тысячам человек. И всё же с крохотным городком в горах нечего было и сравнивать.

Ей повезло не нарваться на встречу с пумой или гризли. Ей повезло не заблудиться, впервые передвигаясь при помощи карты. Она не сломала ноги, в одиночку спускаясь с гор, не наткнулась ни на каких безумцев по пути к своей цели... Слишком много везения. Но Натали не страдала суевериями и, когда в наступающей темноте ей удалось разглядеть далёкие огни там, где, по её представлениям, должен был находиться город, она едва не расплакалась от счастья.

Раннее утро затянуло лощину сырым туманом. В той стороне, где она видела ночью огни, висит сиреневая дымка. Она собирается спуститься по крутому каменистому склону на дно лощины и снова подняться, чтобы добраться, наконец, до цели своего путешествия. Всё внутри дрожит от нетерпения. И вдруг тишину нарушают голоса. Двое переругиваются в низине:

– Джек, ты собираешься мне помочь? – недовольно спрашивает первый.

– Брось, я не потащу эту пададь на своём горбу! – запальчиво и визгливо отзывается второй.

– Сначала ты сам прострелил ему ногу, а теперь не хочешь тащить? Какого чёрта с тобой творится?

В диалог вмешивается третий участник. Но он не говорит, только громко охает и стонет. Рванувшаяся было на голоса Натали замирает, прячась за мишистым валуном на склоне.

– Эта пададь ещё и голос подаёт, бро. Прикончить его, и все дела. Костлявый мешок дерьма! – реагирует визгливый.

– Слушай, Джек, – пытается урезонить его собеседник, – мы уже неделю ничего не приносили в общий котёл. Так недолго и самим в нём оказаться...

– Я не стану тащить эту мразь! Он порезал меня, ты же видишь! Он – костлявое индейское дерьмо! – голосом обиженного ребёнка возражает тот, кого называли Джеком.

Натали никак не может сообразить, что там происходит. Но интуиция подсказывает ей, что встретиться с неуравновешенным

Джеком лицом к лицу не стоит. Гулкий выстрел подтверждает правильность её рассуждений, заставив вздрогнуть.

– Всё! – торжествующе сообщает Джек. – Спорить не о чём. Трупятину жрать никто не будет. А кто захочет – пусть сам его две мили отсюда и тащит...

Его собеседник раздражается такими ругательствами, каких Натали никогда не слышала. До неё доносятся звуки борьбы, чьё-то болезненное «а-а!» и потоки сквернословия.

– Да пошёл ты! – орёт Джек, взвизгнув на пределе громкости.

– Проваливай сам, – злобно отзывается второй. – Проваливай, или я тебя пристрелю, мразина. Теперь придётся с пустыми руками возвращаться. Урод!

Натали сидит на корточках в своём укрытии, пока не стихают все звуки, кроме птичьего гомона. Наконец она со стоном разгибает затёкшие колени и осторожно спускается вниз. Те двое перебрались на противоположный склон и ушли в сторону города. Туман растаял, и она может разглядеть причину недавней ссоры. Одетый в какое-то пёстрое тряпье черноволосый парнишка лежит лицом вниз у ручья, который весело прыгает по рыжеватым камням на самом дне лоцины.

Всё ещё ничего не сообразив, она подходит к воде. Ужасно хочется пить. В пересохшем горле скребёт, сухие губы грозят растрескаться, едва она раскроет рот. Стараясь не смотреть в сторону убитого, она набирает воды в большую флягу чуть выше по течению и долго пьёт. Снова набирает воды и только потом подходит к парню. Невероятно худой, босой, со сбитыми ногами индеец убит выстрелом в шею. Что за оружие могло почти отделить голову от тела, Натали представить себе не может. Из разорванной штанины на бедре выпирают осколки розоватых костей. Влажная каменная крошка вокруг залита кровью.

«Трупятину жрать никто не будет», – проносится в голове, и Натали сгибается в болезненном спазме. Ничего, кроме воды, в желудке нет, и она льёт из горла, горча желчью, прямо на босые ноги мертвеца.

– Ты хочешь сказать, что там едят людей? – недоверчиво спросил Трой, пока Натали переводила дыхание, пытаясь отстраниться от мучительных воспоминаний.

До сих пор он слушал не перебивая, с мрачным выражением лица. Теперь же в серых глазах ясно читалось сомнение. Натали кивнула, собираясь с духом.

– Я тоже не могла поверить. И вообще – мало ли, кто что имел в виду...

– Ты что, сунулась в город? – брови Троя удивлённо приподнялись, он даже развернулся к ней всем корпусом, словно для того, чтобы получше разглядеть самую глупую девицу, которая (вот незадача!) напросилась ему в попутчицы. Облезлый диванчик жалобно заскрипел.

– Да. Я пошла в город. – Натали и себе не до конца могла объяснить этот поступок. – Ты пойми, я не знала тогда, что одиночество – не самое страшное, что может случиться с человеком. Это было глупо, но я и представить себе не могла, что там увижу...

Большой части города с семидесятитысячным населением просто не существует. Из буйных зарослей какого-то странного красновато-коричневого кустарника торчат редкие почерневшие остовы зданий. Со склона Натали отлично видит эпицентр старой катастрофы – там не растут даже эти уродливые кусты. Огромный неровный круг больше всего напоминает чёрный лунный кратер. Если в Рипид-Сити кто-то и живёт, то

только в северной части города, где за кронами нормальных зелёных деревьев виднеются силуэты уцелевших зданий. Идти напрямик через страшного вида развалины она не решает и направляется в другой конец города, обходя их по широкой дуге.

По сравнению с пустынным, но нетронутым Маунтин-Крик, Рэпид-Сити выглядит яркой иллюстрацией апокалипсиса: засыпанные мусором улицы, пустые глазницы окон, изрисованные похабицей и жуткими рисунками стены домов, ржавые машины повсюду, ни единой целой витрины... На блокпост она выходит не сразу – пару раз петляет, пытаясь обойти рукотворные завалы, образующие тупики в узких переулках. Пирамиды из разбитых машин, кучи хлама просто не позволяют идти дальше. Когда видит выскользнувшую из пустого, без дверей, проёма в стене угрюмую парочку парней с автоматами, поворачивать назад уже поздно. Худой, какой-то перекошенный парень, возникший за спиной, заставляет её дёрнуться от неожиданности.

– Вот те раз, красотища, – хрипит он, широко улыбаясь одними губами. Холодные, неопределённого – между серым и карим – цвета глаза парня смотрят равнодушно. Передних зубов нет, изо рта несёт отвратительной вонью, а узкое лицо изрыто мелкими шрамами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.